

Глава 2. Спать со старшим братом

— Твой старший брат? — переспросил Мэн Цанюй, после чего с некоторым одобрением посмотрел на Чу Данфэна.

Чу Данфэн: «.....??»

Хуа Тинсюань кивнул и обнял Чу Данфэна еще крепче:

— Если не верите, Учитель, можете спросить других.

Взгляд Мэн Цанюя обвел толпу. Младшие ученики не смели лгать суровому главе пика Лисюй и наперебой закивали, подтверждая его слова. Все наперебой восстанавливали ход только что произошедшего столкновения, и было совершенно очевидно, что Фан Цинъянь первым обнажил меч.

И впрямь, дети не умеют лгать.

Фан Цинъянь, казалось, хотел оправдаться, но стоило ему открыть рот, как из него хлынула черная кровь. Мэн Цанюй тут же направил духовную силу, чтобы проверить его пульс, и его лицо стало еще мрачнее. Фан Цинъянь уже находился на средней стадии Золотого Ядра, в то время как Золотое Ядро Чу Данфэна было разбито, и сейчас у него оставалась лишь база культивации Стадии Заложения Основы — он никак не мог ранить соперника до такого состояния.

— Его меридианы разорваны, не хватает лишь капли культивации до падения в большую сферу,
— мрачно вынес приговор Мэн Цанюй.

Чтобы в одночасье искалечить Фан Цинъяня подобным образом, требовалось обладать как минимум силой великого мастера уровня Зарождающейся Души, таковых здесь, разумеется, не наблюдалось, а значит, оставалось лишь одно объяснение.

— Твое состояние сердечного камня нестабильно, из-за чего ты впал в исступление и отклонился от истинного пути, но при этом посмел извратить факты и свалить вину на младшего брата... Отправляйся в затворничество залечивать раны, а когда поправишься, иди в Зал Дисциплины за наказанием.

Стоит признать, что ощущение, когда сразу после перерождения удастся утереть нос заклятому врагу Фан Цинъяню, доставляло Чу Данфэну немалое удовольствие.

Но на этом все не закончилось.

За бамбуковой рощей пика Лисюй Мэн Цанюй одобрительно произнес:

— Не ожидал, что Сюань-эр так проникнется к тебе.

— — Чу Данфэн бросил взгляд на малютку, превратившегося в живое приложение к его ноге, и все же сказал:

— Учитель, мои способности ограничены, боюсь, я не смогу должным образом воспитывать младшего соученика. Прошу Учителя взять свои слова назад.

Мэн Цанюй удивленно посмотрел на ученика, после чего с понимающим видом достал из пространственного мешочка фланец с пилюлями:

— Это те Пилюли Багрового Солнца, о которых ты просил меня в прошлый раз. Они могут согреть и питать поле пилюль, но раз твое Золотое Ядро повреждено, значит, пострадали и сами корни жизни. Разве легко исцелить подобное? Не спеши добиваться успеха быстро...

— Учитель! — Чу Данфэн не взял пилюли, а напротив, отступил на шаг и замер, опустив руки.
— Я... ученик вовсе не это имел в виду.

Мэн Цанюй нахмурился:

— Неужели тебе всё еще нужна Трава Покорения Сухожилий Яолан? Такие небесные сокровища встречаются крайне редко, можно ли требовать подобных случайностей от судьбы?

Чу Данфэн выпрямил спину:

— Нет, Учитель, я просто хочу наконец побыть самим собой.

Мэн Цанюй холодно хмыкнул:

— Раз так, выходит, Цинъянь вовсе не во всем солгал. Даже у тебя появился характер.

Чу Данфэн ожидал, что Учитель придет в ярость, но вопреки его ожиданиям, после хмыканья на лице Мэн Цанюя промелькнула едва заметная улыбка:

— А вот это уже на что-то похоже, Пятый. Ты наконец...

Не сгибаться перед пятью чашками риса, наконец в тебе проснулась хоть капля гордости пика Лисюй.

— ? — осторожно переспросил Чу Данфэн. — Учитель, так, может, вы возьмете свои слова назад?

Мэн Цанюй:

— Нет.

Чу Данфэн:

—

Мэн Цанюй наклонился и потрепал маленького Хуа Тинсюаня по голове:

— У меня нет времени заниматься им лично, а твои старшие братья слишком легкомысленны и вспыльчивы, я ни на кого другого не могу положиться со спокойным сердцем.

— Старший брат, прими меня. Сюань-эр не станет тебе мешать, — лишь бы в твоей бамбуковой хижине нашлся для меня крохотный уголок, лишь бы я мог каждый день видеть старшего брата.

— Данфэн, у меня действительно нет другого выбора. Пусть младший соученик пока поживет у тебя. Твоя вторая старшая сестра любит детей, когда она вернется из странствий, если ты все еще не захочешь приютить Сюань-эра, мы сможем все переиграть. У этого ребенка горькая судьба: мать умерла рано, отец... теперь он совсем один и может рассчитывать лишь на поддержку школы.

Чу Данфэн: «.....»

Раз все зашло так далеко, дальнейший отказ прозвучал бы поистине бесчувственно. Под совместным тяжелым взглядом старшего и младшего Чу Данфэн скрепя сердце произнес:

— Ученик повинуетя...

Подумаешь, повозится пару дней. В этой жизни он уж точно не собирается прислуживать этому маленькому предку, как какая-нибудь мамочка. Непонятно почему этот малыш уперся именно в него, но стоит ему провести здесь достаточно времени и заскучать, как выпроводить его обратно, пожалуй, станет даже проще...

Стоило Учителю сделать шаг назад, как Чу Данфэн почувствовал, что его кто-то дергает за полу одежды.

Хуа Тинсюань поджал губы с таким обиженным видом, что на них буквально было написано: «Почему ты меня не хочешь?»

Чу Данфэн: «.....»

Надо признать, этот сопляк уродился на славу. Хотя сейчас он был еще очень далек от своего будущего блистательного и чистого, как луна, облика, в роли пухлого младенца он выглядел более чем очаровательно. На его белоснежных и нежных щеках еще не сошел младенческий пух, а огромные глаза занимали чуть ли не половину лица. Даже те, кто не любил детей, невольно загляделись бы на него и захотели потрепать по пушистой макушке.

Чу Данфэн присел на корточки, и глаза Хуа Тинсюаня мгновенно засияли. Он с надеждой позвал:

— Старший брат.

И тут же увидел, как его обожаемый старший брат протянул руку... и от души ущипнул его за щеку. Силы он приложил немало, и на белой мягкой щечке сразу же проступил ярко-красный след. Памятуя о том, как этот паршивец хлестал его кнутом, Чу Данфэн злобно процедил:

— Ах ты маленький засранец!

Но малыш покорно снес и щипок, и брань. Вместо того чтобы сопротивляться, он тут же бросился ему в объятия, уткнулся лицом в одежды и глухо, с едва слышными слезками в голосе произнес:

— Старший брат ругает правильно.

Старший брат, я заслужил брань.

Старший брат, я так по тебе скучал.

Чу Данфэн: «???»

Что, ребенка ущипнули до умопомешательства?? Или шестой младший братишка в детстве страдал дефицитом сообразительности?? Спустя столько лет Чу Данфэн уже с трудом помнил прошлое Хуа Тинсюаня в младенческом возрасте — стоило ему напрячь память, как перед глазами вставал лишь стройный юноша с длинным кнутом в руке.

Стоило вспомнить об этом, как ему становилось не по себе, а спина и заднее место словно начинали ныть по-прежнему.

Чу Данфэн отлепил младенца от своей груди, порываясь схватить первую попавшуюся ветку и отходить его по пятой точке, чтобы отомстить за себя, но этот коротышка едва доставал ему до пояса. Стоило только оттолкнуть его, как он тут же обиженно надул губы, приняв жалобный, готовый расплакаться вид, и тоненьким голоском произнес:

— Старший брат, не бросай меня больше.

Чу Данфэн: «.....»

Какими бы сильными ни были обида и злость, отомстить младенцу рука не поднималась. Бессильно потеряв виски, он махнул рукой:

— Ладно, не липни ко мне, иди поиграй сам.

Однако эта кроха, судя по всему, вообще не понимала значения фразы «иди поиграй сам».

Куда бы ни направлялся Чу Данфэн, он следовал за ним по пятам. Какую бы мину ни корчил Чу Данфэн, как бы холодно к нему ни относился, Хуа Тинсюань неизменно следовал за ним, словно неотвязный хвост, а на его еще не потерявших младенческую пухлость щеках неизменно застывала заискивающая улыбка — так, будто он смертельно боялся, что в следующее мгновение такой живой и настоящий старший брат просто испарится в воздухе. Он вел себя донельзя осторожно и жалко, вызывая у Чу Данфэна острейшее чувство вины, словно перед брошенным ребенком.

Впрочем, Чу Данфэн прекрасно понимал, почему этот ребенок лишен чувства безопасности: на всем огромном пике Лисюй в этот момент, помимо него самого, невозможно было отыскать ни единой живой души.

Оставив младшего соученика на его попечение, Учитель тут же куда-то исчез — скорее всего, отправился залечивать раны своего любимого ученика Фан Цинъяня. Вторая старшая сестра Е Байлу уехала странствовать и еще не вернулась, а первый старший брат Чжоу Юаньшань пользовался огромным доверием главы и дядечек-старейшин. Если память не изменяла Чу Данфэну, в последние годы он почти все время жил на пике Цяньлянь, помогая разбираться с делами секты. Что же до третьего старшего брата Хуан Чантяня, то он был редкостным чудачком как на пике Лисюй, так и во всей секте Двух Полюсов: он терпеть не мог культивацию, и стоило ему выкроить свободную минуту, как он либо тайком удрать с горы пить цветочное вино в кварталах красных фонарей, либо прятался в бамбуковой хижине за чтением романов. Он слыл самым никчемным учеником во всей секте.

В прошлой жизни Чу Данфэн, скованный ролью прилежного бездаря, даже не занимаясь культивацией, был вынужден изображать усердие, надрываясь изо всех сил. На самом же деле больше всего на свете он завидовал именно этому третьему старшему брату. Вот это жизнь!

Пусть сейчас его уровень культивации был всего лишь на стадии Основания Дао, но проживет

он без сомнений не меньше века — таковы были условия, оговоренные с системой, и Чу Даньфэн остался вполне доволен.

Прожить целое столетие — и грех не насладиться жизнью в своё удовольствие, да только жаль, что рядом крутится этот балласт, — с горечью вздохнул Чу Даньфэн.

— Почему старший брат недоволен? — по-детски наивно, но с не по годам проницательным видом спросил этот самый балласт.

— ... — Чу Даньфэн подумал: да всё из-за тебя же.

— Старший брат переживает из-за золотого ядра?

...А у этого ребенка слух оказался отменным: взрослые беседы слушает, не упуская ни единого слова.

Чу Даньфэн потянулся, подложил руку под затылок, согнул одну ногу в колене и развалился на большом валуне на спине. Между делом он сорвал травинку псохвоста, небрежно зажал её в зубах и бормочешь произнес:

— Малышам не пристало лезть в дела взрослых.

Налетел легкий ветерок, принеся с собой лепестки опадающих персиков и взметнув широкие рукава его белых одежд. Розовые лепестки усыпали всего Чу Даньфэна, а один и вовсе прилип прямо меж бровей, еще ярче подчеркивая его лицо, прекрасное словно лотос.

Хуа Тинсюань поднял маленькую ручку, словно собираясь коснуться щеки старшего брата, но в конце концов лишь опустил ресницы и тихо проговорил:

— Старшему брату не о чем тревожиться, воссоздать золотое ядро и восстановить уровень культивации — вовсе не трудная задача.

Он отчетливо помнил, что в прошлой жизни Чу Даньфэн больше всего на свете терзался именно из-за своей культивации. Хотя тогда у него не было нынешних возможностей, помочь старшему брату и раздобыть какие-нибудь легендарные сокровища, способные исцелить и укрепить золотое ядро, для него было сущим пустяком. Однако тогда он остался в стороне и даже позволил себе насмешки.

В те годы Хуа Тинсюэню едва исполнилось семнадцать, но он уже достиг стадии Зарождения Души, оставшись непревзойденным, одаренным от природы гением во всем мире бессмертных. А вырастивший его собственными руками старший брат Чу Даньфэн по-прежнему прозябал на стадии Основания Дао. В тот день Чу Даньфэн, мешкая и запинаясь, разыскал его и попросил младшего брата помочь отыскать «яоланскую скрывающую жилы траву». Говорили, что эта

духовная трава обладала своенравным характером и показывалась на глаза лишь одаренным юношам. Сущая загадка, нечто легендарное в мире культиваторов — никто даже не знал, существует ли она на самом деле или это лишь миф.

Хуа Тинсюань уж точно заслуживал звания одаренного от природы, но был еще слишком юн и неопытен. Услышав о столь диковинном лекарстве впервые, он радостно воскликнул:

— Знает ли старший брат, где ее отыскать?

Чу Даньфэн небрежно назвал место, а затем с тоской в голосе произнес:

— Если бы я смог сформировать золотое ядро, то смог бы отправиться на Большое состязание секты вместе с седьмой младшей сестрой.

Хуа Тинсюань почувствовал, как его сердце камнем упало на дно, а в груди вспыхнула слепая ярость. Холодно бросил он:

— У меня нет времени искать всякую дрянь. Старший брат целыми днями занят этой ересью, как это может считаться достойным занятием? Участвовать в состязании секты — лишь позориться и понапрасну марать имя секты. Лучше бы оставался на пике Скрытой Пустоты да предавался тихим размышлениям.

Какое тогда было выражение у Чу Даньфэна? Кажется, он ничего не ответил, лишь поджал губы и молча повернулся уходить. Его спина казалась такой одинокой и опустошенной. Он был так горд и чувствителен, услышав подобные насмешки от родного младшего брата, должно быть, сильно ранился. Хуа Тинсюань хотел броситься за ним, но так и не сдвинулся с места.

В его собственной душе тоже бушевало пламя ярости, и он безо всякой причины возненавидел старшего брата.

Лишь несколько лет спустя, прижимая к груди бездыханное тело Чу Даньфэна, Хуа Тинсюань вдруг с пронзительной ясностью осознал, что то пламя звалось «ревностью», а ненавидел и презирал он вовсе не самого старшего брата — лишь то, что в сердце и в глазах старшего брата жила седьмая младшая сестра, и для него самого там уже не оставалось места.

Но сожалеть было поздно. Хуа Тинсюань провел в затворе больше трех лет, обнимая тело Чу Даньфэна, и снова и снова вспоминал все те жестокие слова, что наговорил старшему брату. Каждое слово вонзалось в его сердце острым клинком, заливая всё кровью. Вот же он, человек — прямо в его руках, но давно потерял тепло. И не услышать больше ни единого «прости» или «я люблю тебя».

Хуа Тинсюаню потребовалось почти сто лет, чтобы полностью очистить и подчинить бусину укрощения душ. Только так он смог прорваться сквозь врата времени и пространства, пройти

через все мыслимые трудности и испытания, чтобы снова увидеть этого человека. На этот раз он защитит его, исполнит все его желания, сделает беззаботно счастливым и больше никому не позволит обидеть его.

Он заберет и его сердце, и всего его целиком. И ни одна женщина больше не посмеет виться вокруг него.

— Тц, желторотый мальчишка, ты возомнил воссоздание золотого ядра детской забавой из лепки глиняных фигурок? Разве это так просто? Раз разбилось — значит, разбилось. Вся секта знает, что я тешу себя несбыточными мечтами, и за спиной только и делают, что живут ради этой насмешки... Да ладно, со временем сам всё поймешь, — равнодушно бросил Чу Даньфэн.

Хуа Тинсюань же слушал это с такой болью в груди, будто его наизнанку выворачивало: оказывается, старший брат всё знал.

Оказывается, он всегда понимал, что окружающие думают о нем, но всё равно упорно продолжал бороться. Все вокруг твердили, что Чу Даньфэн с пика Скрытой Пустоты — бессовестнейший человек, который ради крупницы ресурсов для культивации готов во всем слушаться наставников, главная собачка секты Безбрежья, а в итоге — лишь никчемная пустышка, застрявшая на стадии Основания Дао.

И только Хуа Тинсюань знал, сколь гордым человеком был старший брат на самом деле под этой маской выносливости и унижений.

Старший брат слишком многое натерпелся.

— Чего ты так уставился? Словно заплакать собрался, — Чу Даньфэн почесал в затылке, приподнялся и в растерянности треро сбил растрепал волосы на голове у малыша. — Проголодался? В бамбуковой хижине есть пилули для утоления голода, перекуси сперва ими.

Однако голову этому человеку трогать было нельзя — стоило однажды приласкать бездомного пса, как тот мигом садился на шею и наглед. Малыш уткнулся лицом в грудь Чу Даньфэна, словно ластясь, но беззвучно, и лишь спустя долгое время глухо произнес:

— Старший брат, я хочу съесть пряную гусиную грудинку.

Какое совпадение: пряная гусиная грудинка была фирменным блюдом Чу Даньфэна. В прошлой жизни он часто баловал ребенка вяленным гусиным мясом, чтобы задобрить во время игры. Кто бы мог подумать, что в этой жизни, едва встретившись, тот сразу потребует то же самое — поистине злая ирония судьбы.

Но он уже твердо решил больше не играть роль няньки, поэтому Чу Даньфэн ожесточил сердце:

— Я сегодня смертельно устал и готовить не намерен. Хочешь — ешь пилюли для утоления голода, а нет — ходи голодным.

В итоге этот мелкий паршивец проявил поразительную покладистость: он поднял пухленькое личико и серьезно заявил:

— Если старший брат устал, ему не нужно двигаться. Отныне я буду заботиться о старшем брате.

Это даже заставило Чу Даньфэна немного смутиться. Он потер нос:

— А язычок-то у тебя подвешен. — Раньше он почему-то не замечал, что этот маленький неблагодарный волчонок так мастак болтать языком.

Но практика показала, что сколь сладки ни были речи, в душе это оставалось сущим исчадием вредности.

Той же ночью, около второго стража, за дверью уже долгое время не прекращалась какая-то возня. У Чу Даньфэна от усталости слипались веки, и вставать с постели не хотелось совершенно. Он послал щелчком сгусток духовной энергии, и дверь хижины распахнулась настежь. В проеме показался нарушитель его покоя: прижимая к груди маленькую подушечку, он пару раз опасливо заглянул внутрь, а затем быстрым топ-топом влетел в бамбуковую хижину, захлопнул дверь, вскарабкался на кровать и нырнул под одеяло к Чу Даньфэну. Вся эта череда действий была выполнена слитко, плавно, словно течение воды, да к тому же он еще и предусмотрительно сам подтянул одеяло повыше.

— Старший брат, я боюсь темноты, я не смею спать один.

<http://bllate.org/book/20986/2130542>